

История Бернарды и Тайры на Архане

Автор:

[Вероника Мелан](#)

История Бернарды и Тайры на Архане

Вероника Мелан

Город

«...Нет, не думайте, что я дурочка и поход в незнакомый мир, тем более, такой сложный и неприветливый (ну, неприветливый, по крайней мере, для меня) с самого начала казался мне детской забавой и чем-то вроде авантюрного приключения для того, кто засиделся на месте. Мол, а почему бы и нет?

На самом деле все не так – я же из России, помните? И я, как и вы, знаю, что арабские страны сложны: иные там не только традиции и обычаи, но и менталитет самих жителей. Даже если у вас не будет языкового барьера, на пути все равно встретится тысяча мелочей, которые вас удивят, а то и вовсе негативно повлияют на исход истории.

И, зная все это, я все равно туда собиралась...»

Вероника Мелан

История Бернарды и Тайры на Архане

Предисловие

Эту историю вам расскажу я – Бернарда – и расскажу ее такой, какой она была на самом деле, без прикрас. Почему, зачем, с какой целью мы пошли туда, на Архан, удалось ли нам достать книги колдуна Уду, и что с нами случилось по пути – все это ждет вас впереди.

А пока я отвлекусь и кое-что поясню.

Нет, не думайте, что я дурочка и поход в незнакомый мир, тем более, такой сложный и неприветливый (ну, неприветливый, по крайней мере, для меня) с самого начала казался мне детской забавой и чем-то вроде авантюрного приключения для того, кто засиделся на месте. Мол, а почему бы и нет?

На самом деле все не так – я же из России, помните? И я, как и вы, знаю, что арабские страны сложны: иные там не только традиции и обычаи, но и менталитет самих жителей. Даже если у вас не будет языкового барьера, на пути все равно встретится тысяча мелочей, которые вас удивят, а то и вовсе негативно повлияют на исход истории.

И, зная все это, я все равно туда собиралась.

Почему?

Может быть, потому что я действительно несколько засиделась. И опять же через расстояние слышу правомерный вопрос: «Ты живешь в Нордейле! Тебе там не бывает скучно, там же все есть!» И тут вы будете правы. Правы, да, но не совсем. Дело в том, что это общечеловеческая черта – иногда грустить и быть чем-то недовольным. Даже если ты живешь в Нордейле и способен телепортироваться. Эти два фактора сильно способствуют тому, чтобы не заскучать, но иногда так или иначе у меня, как и у вас всех, возникает ощущение, что жизнь моя зашла на круг и больше никуда не движется. А если и движется, то как-то очень медленно. Может, это врожденный моторчик в попе? Человек ко всему привыкает, ко всему. И не то что бы перестает ценить, но яркие впечатления всегда со временем гаснут. Даже если вы до слез благодарны за все, что есть в вашей жизни, вам всегда будет хотеться чего-то нового. Подобное происходит со всеми: быть может, оно зашито в наше ДНК – я имею в виду периодическая скука или неудовлетворенность, – или, быть может, это проклятье всех, кто помещен в человеческое тело и имеет мозг? Я, увы, не знаю истинных причин. Я просто пытаюсь сказать о том, что, несмотря на

осознание сложности подобного предстоящего путешествия, я все равно на него решилась. Скука? Альтруизм? В общем, без разницы.

Потому что поход на Архан состоялся.

Еще хочу немного сказать о Тайре. Она удивительна: чистая, очень восприимчивая, способная, гибкая, чуть пугливая и бесконечно честная. Она не такая, как остальные, – чужая, но оттого мне еще более близкая. Странно, да? Появившись здесь, в Нордейле, она привнесла в мою жизнь много нового и нужного: всколыхнула тягу к новым знаниям угасшую после событий с этими чертовыми аномальными полями и походом в Мистерию. Нет, скорее я никогда эту тягу не теряла, но, пока длился катаклизм, я удивительно четко осознала, что иногда один человек, пусть даже он обладает какими-то превосходящими обычные возможностями, не способен повлиять на ситуацию. И тем горестнее это осознавать, чем сложнее и хуже ситуация. Пока остальные ходили в Коридор, я не то что бы приуныла, но немного выдохлась что ли. И Тайра очень помогла мне – стала новым солнышком и родниковым источником воды. Она напомнила мне о том, что даже один человек, если в нем живет настоящая вера во что-то хорошее, способен проломить этой своей верой многие препятствия. Напомнила о том, каково это – не унывать, даже если очень хочется, собственным примером показала, что идти до конца стоит даже тогда, когда под ногами уже нет дороги. И еще она подарила мне бесценную вещь – собственную дружбу. И мне такой дружбы – светлой, радостной, чистой – очень не хватало. Удивительно, но долгое время я и не подозревала, насколько сильно мне ее не хватало.

А еще я рада, что Тайре достался Стив. Наверное, «достался» неправильно слово – пусть это будет «встретился». Именно Стив, именно наш рыжий, добрый, мягкий и очень терпеливый доктор. Знаете, он боготворит ее, а она смотрит на него с такой нежностью, что я забываю все фильмы о любви, которые видела до этого. Они счастливы, действительно счастливы. По-моему, гораздо счастливее стал даже Пират, хотя, казалось бы, какая разница коту, которого и без того сыто кормили? А вот есть разница, и эта разница – воцарившаяся в их доме любовь. Любовь с большой буквы. Ведь она наполняет собой все: пространство вокруг, предметы, самих людей; меняет качество окружающей их энергии, отгоняет плохое прочь и притягивает прекрасное. Вообще, у Безусловной Любви как у странной субстанции, которую можно назвать «вселенской гармонией», огромное количество положительных свойств, и ее наличие в любом доме и вне его ведет к исключительно добрым переменам.

Я опять отвлеклась, да? Иногда мне просто хочется поговорить, бывает.

Ну что ж, история? Готовы?

А то мне уже не терпится начать.

Бернарда Дамьен-Ферно

(Жаль, что в моем российском паспорте до сих пор стоит «Кочеткова» ?)

Глава 1

(Melodality – A Fortunate Day)

Этот диалог состоялся после того самого первого памятного занятия, когда нас поругали за «шушуканье».[1 - Речь идет о событиях, описанных в эпилоге книги «Мистерия»]

Хотя «поругали» громко сказано, просто Дрейк, который не терпел на лекциях учеников, занимающихся чем-то, помимо обучения, не раз и не два бросал на нас неодобрительные взгляды, а «неодобрительный взгляд» Начальника – сами понимаете – испытание не для слабонервных. И посему нормально поговорить нам удалось только тогда, когда мы вышли из Реактора и отделились от него на добрые пять кварталов. Для безопасности.

Лавочка, перекинутые через плечо сумки с записями, а на дворе осень – та самая осень: резкая, чуть прохладная, с кристально чистым воздухом, который впитал в себя запах прелой листвы, с пронзительно синим небом и летящими по нему куда-то вдаль птицами. Я ее очень люблю такую: с желтизной уже не на ветках, а под ногами, когда все газоны и тротуары усыпаны плотным охровым ковром; когда дворники безо всякой причины сметают все, что не удержалось на деревьях, из одного места в другое; когда кажется, что в городе на каждой улице зажгли свет – тот, который идет от земли.

Листья на лавочках, на крышах и капотах стоящих у дороги машин, на спине комбинезона выгуливаемой белой лохматой собачки – листья везде, и уже тянет – еще не пахнет, но уже тянет в воздухе приближением зимы. Елки, игрушки, ватрушки, свечи, мандарины, чудеса и желания... Нет, это позже, а пока – осень.

– Так что у тебя за план, поделись?

Цвет глаз Тайры удивительно хорошо гармонировал с желто-зеленым убранством города, а главное – эти глаза блеснули искренним любопытством, и это прекрасно подогрело мой собственный и без того неспособный угаснуть азарт.

– Смешарик! – выпалила я так радостно, как будто одно-единственное слово должно было мгновенно все объяснить.

Не объяснило.

– Что «Смешарик»? – захлопала она ресницами. – Как он может нам помочь?

– Ну как же, – мне нравилось в этом дне все: бурлящее радостью настроение, далекий аромат булочек с корицей и запах близкого приключения, собственные замшевые ботиночки, бежевое пальто подруги, а так же заговорщицкий дух, что искрился и выгибался между нами электрической арочной дугой, – Смешарик! Именно он сможет проникнуть во дворец Правителя незамеченным, отыскать библиотеку, а после показать ее нам, чтобы мы смогли сразу же туда телепортироваться обходя все другие ненужные помещения.

– Смешарик? Фурия? Ты хочешь сказать, мы...

– Да, мы возьмем одного с собой на Архан. Так и надежнее и безопаснее. Ну, разве не прекрасная идея? Что скажешь?

Чем больше подруга размышляла над предложенным, чем тщательнее пыталась осознать только что высказанную мной вслух идею, тем более смелой становилась на ее лице робкая поначалу улыбка.

- Он ведь и правда сможет прикинуться картиной, если нужно, да? И прошмыгнуть мимо охранников.

- О чем и речь! Они же вообще ловкие; хочешь - станет вазой, хочешь - цветком в ней...

- На Архане почти нет цветов...

- Ну, это к слову. И, может, во дворце есть? Там ведь могут позволить себе то, что дорого? Но я не об этом...

- Да, он действительно мог бы попасть во дворец, и, знаешь...

- Что?

Ее улыбка вконец осмелела, а в глазах вместо страха, который я опасалась увидеть, плескался интерес.

- И правда, это хорошая идея! Вот если бы ты предложила нам самим идти туда, я бы отказалась, а так, действительно можно подумать.

- И не просто подумать. Это ведь реальный шанс попасть в библиотеку!

Кому-то со стороны может показаться, что своим безудержным напором я давила на Тайру, но правда заключается в том, что на нее невозможно надавить. Совсем. Потому что любая информация, которая просачивается в ее темноволосую голову, подвергается самому тщательному анализу и обдумыванию, и обойти этот процесс невозможно. Таким образом, если идея нравится мне, то это вовсе не значит, что Тайра тут же одобрительно кивнет, а вот если идея нравится ей самой, тогда Тайра кивнет точно.

И после нескольких секунд она действительно кивнула.

- Здорово. Действительно, это наш шанс. Вот только... - раздался вздох; на дороге напротив супермаркета остановился автобус, помигал поворотником, объехал-таки неудачно припаркованный у обочины пикап и поддал газу - в прозрачном воздухе расплылось синеватое облако, - если мы возьмем эти книги

без спросу, мы их своруем.

- Мы возьмем их не насовсем.

- Я понимаю. Но ведь я еще не прочитала те, что стоят у меня дома. Каждая книга, даже каждая страница – это много умственной работы, ее невозможно проделать быстро, и пока наступит черед чужих книг, Уду не просто заметит пропажу, он будет взбешен. И это неправильно.

- Что он будет взбешен?

- Нет, неправильно то, что мы их своруем.

В этом заключалась вся Тайра: в правильности, в честности, в заботе не только о близких, но так же о тех, кто ее, по моему мнению, вообще не заслуживал. И этим же она мне нравилась.

Я предполагала такой поворот беседы и заранее обдумала его.

- Тай, мы вернем эти книги очень быстро – он не заметит.

- Как это?

- Мы снимем с них копию, а оригиналы вернем на Архан. Тем более, к тому времени мы будем знать, как выглядит библиотека, и эта задача займет всего минуту.

- Но... как же мы снимем «копии»? Перепишем страница за страницей на чистые переплетенные листы?

- Нет, потому что в этом случае мы подпишемся на это нудное занятие до конца жизни. Да и вообще, тогда проще читать их прямо там.

На мелькнувший в глазах испуг я только рассмеялась.

– Да шучу я! В самом простом случае, мы сделаем обычные ксерокопии всех страниц – найдем пару человек, чтобы ускорить процесс, и приставим их к двум или трем копировальным аппаратам. В более сложном случае – именно том, который мне нравится, – мы отдадим их в лабораторию Комиссии и попросим сотворить дубликаты. Поверь, там они смогут это сделать, там делают и не такое...

Совсем не вовремя мне вспомнилось плавающее за прозрачным стеклом тело – мое тело – клон. Нет, день не испортился и настроение тоже, просто я моментально попыталась отодрать память от подглядывания за теми событиями. Мы всегда совершаем ошибки или «едва не совершаем» ошибки. И хорошо, когда удается их избежать. Тогда мне удалось.

– А нам дадут туда доступ?

– В лабораторию?

– Да. Нам там помогут? Выслушают?

Я с любовью погладила блестящее на пальце кольцо – плавающий в полусфере символ бесконечности. Улыбнулась собственным мыслям, хмыкнула, вспоминая прошлое, и уверенно кивнула.

– Нам там помогут.

– Ну, – Тайра поерзала на лавочке, поправила сползший с плеча ремень и радостно потрянула кудрявой гривой, – тогда я «за»!

А я в который раз позавидовала людям, которые встают с утра и не тратят по два часа на нудный и утомительный процесс, стоя у зеркала с плойкой в руках.

Вот родился кудрявым и всегда красивый.

Эх.

Вам нравится преодолевать препятствия?

Мне нравится.

Потому что любое жизненное препятствие – это вовсе не проблема, а возможность проявить собственную силу и сообразительность, а после порадоваться наличию подобных у себя качеств. Именно так я воспринимаю «препятствия».

Знаю, некоторые люди относятся к ним иначе – боятся, ужасаются даже думать о них, сразу же опускают руки, медлят или же вовсе бездействуют, и тем самым позволяют течь жизненной реке по неправильному руслу. Ведь жизнь любит тех, кто смел и задорен, а обстоятельства с удовольствием подчиняются тому, кто спокойно и уверенно объясняет им, какими им быть. Поверьте, это действительно работает. Однажды просто объявите своей жизни: «Я хочу, чтобы ты была такой!» и порадитесь тому, что она слышит вас. Ведь ошибаются вовсе не те, кто пробует и ищет действенные методы взаимодействия с собственной судьбой, а те, кто верит в то, что все заранее предрешено, и в то, что трепыхаться и тратить силы на борьбу – совершенно бесполезное занятие. Первым достается почувствовать на языке вкус победы, последним же – лишь глубже узнать, что представляют собой горечь, скука, уныние и постоянное разочарование.

Что ж, этим вечером нас с Тайрой ждало очередное препятствие – разговор. Ей со Стивом, а мне с Дрейком. Ведь не подашься же на Архан без спросу, не объяснив, куда и зачем пошел? Нет. Потому что если терпеливый Стив после подобной выходки – не важно, успешной или нет – похлопает арханскую принцессу по попе, то меня за такое привяжут к батарее и на месяц посадят под домашний арест без права использования встроенной функции «телепорта». Или же будут долго и нудно рассказывать, чем необдуманные затеи слишком прытких девиц могут обернуться. Ну, вы же знаете Дрейка...

Вот и я его знаю.

И потому мысли о предстоящем разговоре вызывали дрожь в моих, в общем-то, давно уже не слабых коленях.

Может, повезет хотя бы Тайре?

Нет, нам обеим должно повезти. Просто должно.

* * *

– Тай, я ничего не вижу. Их фигуры, походку, одежду, рост. Иногда улавливаю выражение лиц или внутренний возраст, но это все. Не понимаю, каким образом я могу увидеть больше?

– Но ты же умеешь чувствовать тело пациента, когда кладешь на него ладони?

– Это другое.

– Нет, то же самое. Просто когда ты находишься рядом с телом человека, касаешься его, ты так или иначе вторгаешься в его пространство, в его ауру, начинаешь считывать информацию с помощью кончиков пальцев, но все это можно делать и по-другому, на расстоянии. Нужно только «подключиться» к ауре, к астральному телу, увидеть чужое физическое тело своим внутренним взглядом.

Она напоминала себе Кима.

Сидела в кресле, наблюдала за тем, как небольшая, но уютная гостиная тонет в сумерках, как синеватыми становятся находящиеся в ней предметы, как медленно сереет льющийся из окна свет. Смотрела на широкоплечую спину мужчины, чье лицо было повернуто к окну. У этого самого окна Стив стоял уже полтора часа – вглядывался, всматривался, сосредотачивался. Новое умение не давалось ему легко, но он старался изо всех сил – силился понять, каково это – не только увидеть человека изнутри, но сделать это на расстоянии.

– Протяни от своего тела тонкую нить к шару того, на кого хочешь посмотреть. Все люди облачены в шар, где вокруг физических тел витает множество информации: мысли, эмоции, все то, что их радует или беспокоит. Коснись шара. Только коснись так, чтобы на твою протянутую руку не перешли их события или их боль – этого делать нельзя, в этом случае ты способен изменить чужую карму, что-то забрать на себя. Касайся их легко, бездумно, с одним лишь желанием почувствовать, увидеть немного больше, узнать. С намерением помочь в том случае, если на то будет позволение свыше и если будет в помощи надобность.

Относись к процессу отстраненно, без эмоций и без излишней вовлеченности. Увидь человека и мысленно присядь с ним рядом. Присядь близко, помолчи, послушай, и в какой-то момент ты начнешь чувствовать то же самое, что чувствует он...

Стив старался. Продолжал разглядывать прохожих, пытался постичь то, что казалось ему почти невозможным. Мысленно трогал пешеходов, изучал их, изнемогал от желания их почувствовать.

- А это правда возможно?

- Да. И с каждым разом у тебя будет получаться все быстрее.

- Мы ведь уже не первый день работаем.

- И будем работать еще. Путь Знания - не быстрый путь. Но в этом мире у нас есть время, много времени. Ты уже многому научился, научись и этому. И когда начнешь видеть физические тела на расстоянии, я расскажу тебе и о том, как их можно дистанционно лечить. Конечно, пройдет еще какое-то время - ты начнешь видеть не только физические, но и тонкие тела, и тогда уже мы плотно перейдем к пониманию течения энергии в канальной системе. Ты, собственно, и сейчас уже имеешь о ней представление, но делаешь это больше интуитивно, без целостного понимания деталей процесса.

- Верно.

Он стоял там, у окна, слушал ее, просто любил ее. Замечательный доктор и замечательный человек, прекрасный во всех отношениях мужчина. Как же легко с ним засыпать и просыпаться, как легко с ним жить. В какой-то момент жизнь подарила Тайре все: вторую половину, возможность быть живой, вновь обрести чувства и желания, переселиться в прекрасный мир, где по всей земле растет трава, а деревья высятся почти до неба. Жизнь награждает не тех, кто достоин, а тех, кто, несмотря на череду поражений, продолжает стараться - упирается, собирает внутренние силы, иногда глотает слезы и делает шаг вперед.

Таких шагов в жизни Тайры было много, но какой-то из них достиг рубежа, финальной черты и позволил пересечь ее. И теперь она сидит в сумрачной гостиной, нежится в кресле ощущением покоя, с мягкой улыбкой смотрит на

абрис топорщащихся на макушке рыжих волос и просто знает, что дальше все будет хорошо. И если не сразу, то все равно потом будет хорошо, надо лишь подождать.

А вообще, взять с собой Фурию – отличная идея. Даже если не выйдет с книгами – Бог с ними, – ей было бы приятно вновь побывать на Архане. Где-то там живут мать и отец, где-то там работает Сари. Сухой воздух Руура пахнет солнцем, по обочинам дорог лежат не сметенные до заката ишачьи лепешки. Там пекут на раскаленных камнях плоские из одной лишь воды и муки с солью лепешки, там после заката слышатся из окон тихие хвалебные песни богине ночи – Тилайле. Мужчины ухмыляются в черные бороды и усы и думают, что правят миром, а женщины тихо укладывают маленьких детей в постель и напевают им урусс[2 - Передающаяся из поколения в поколение длинная арханская колыбельная]. Эти женщины знают, что их счастье не продлится долго, а потому прячут слезы во тьме ночи, дарят их подушке, но пока есть время, они ласкают своих малышей, шепчут им слова любви и заботятся о них. А утром поднимаются ни свет ни заря, чтобы взяться за стирку, уборку, приготовление еды...

Это ее прежний мир. Это Архан.

Интересно, большой ли он? Тайра никогда не имела возможности путешествовать по родной земле, и именно эта мысль, эта неосуществленная мечта теперь толкала ее на то, чтобы все-таки поднять сложный разговор со Стивеном.

– Думаю, я что-то вижу...

Нет, она видела, что его энергетические попытки внедриться в чужое пространство пока не работают. Он научится, но позже.

– Стив, я хотела с тобой поговорить.

Темный силуэт шевельнулся у окна.

– О чем, любовь моя?

Это словосочетание – «любовь моя» – всегда приводило к одному и тому же эффекту: Тайра жмурилась от счастья и грелась изнутри.

– Обо мне. И Бернарде. И о том, что мы хотим посетить Архан.

– Зачем? Ведь у тебя же все есть, здесь хорошо...

Док моментально обеспокоился.

– Давай ты подойдешь ко мне, сядешь в это кресло, я заберусь к тебе на колени и все объясню – детально и по порядку. Потому что мне важно твое мнение и твое разрешение на этот поход, ладно?

– Ладно.

Стив подошел к креслу, опустился в него, и Тайра моментально забралась на теплые мужские колени, прижалась носом к шее и с наслаждением втянула аромат теплой кожи. И почему арханские мужчины никогда не пользовались ароматными жидкостями? Ведь это так сильно кружит голову...

– М-м-м, ты так здорово пахнешь...

– Тайра. Я волнуюсь. Не заговаривай мне зубы, давай, начинай свой рассказ.

– Хорошо-хорошо.

Она улыбнулась, собралась с мыслями и заговорила; на книжном шкафу старинные деревянные часы издали мягкий «бом», объявляя о наступлении нового часа.

* * *

Способность Дрейка понимать людей всегда удивляла меня – он не просто чувствовал надобности, психологию, тонкости восприятия, характер и возможные действия любого индивида, на которого направлял взгляд своих спокойных серо-голубых глаз, но он так же знал и то, к чему подобные действия

могут привести. Он заранее предвидел все или почти все возможные варианты развития событий и не столько предугадывал судьбу, сколько помогал ей – как своей, так и чужой – выстраиваться.

Мистика? Загадка? Талант грамотного руководителя? Дар Творца? Или все сразу?

Так или иначе, в этот вечер Дрейк в очередной раз удивил меня. Даже когда думаешь, что он отлично понимает людей, выясняется, что на самом деле он понимает их еще лучше.

Длинного разговора не состоялось.

Я полдня готовилась махать руками, подбирала разумные доводы и верные слова, просчитывала вероятный ход беседы и вычисляла подводные камни, а он в ответ на мою фразу: «Я бы хотела с Тайрой сходить на Архан», просто пожал плечами.

– Иди. Только, пожалуйста, помни, что это опасно, и что в случае, если тебе понадобится моя помощь, мне будет сложнее ее оказать, так как мир, в который ты идешь, живет по своим законам.

– И это все? – спросила я после минутной паузы, тишины и собственного шока. Так просто? Он просто взял и согласился? Неужели знал что-то, чего не знала я – очередной виток судьбы, которому было угодно свершиться? И если так, то совершенно точно не собирался мне ничего объяснить. – Я хочу взять с собой Фурию.

– Хорошая мысль. Фурия в любой момент сможет тебя защитить.

И снова тишина.

Нет, он явно что-то знал. Знал, что я приду, что заведу эту беседу, что моя решимость настаивать на своем не знает границ?

Хитрец. Дрейк всегда был хитрецом, но исключительно в положительном смысле этого слова.

- Так ты отпускаешь меня?

- Да, отпускаю.

- Даешь официальное разрешение на перемещение меня, Тайры и Фурии в другой мир?

- Тебе бумагу выписать?

Глядя на знакомый изгиб губ, говорящий: «Если хочешь меня проверить, можешь начать настаивать на формальностях, но тогда я не гарантирую, чем именно этот вечер закончится», я явно почувствовала одну вещь – этот давно уже родной мне мужчина с лукавым прищуром далеко не всегда добрых глаз вдруг стал мне еще роднее.

Очевидное? Невероятное? Но факт.

Глава 2

Тайра вновь рисовала.

Порхал над бумагой карандаш, чиркал и шоркал грифель, то и дело сжималась в пальцах резинка.

- Нет, здесь не так, длиннее, должно быть до самого пола, – металась из стороны в сторону, помогая неверным линиям исчезнуть, ладонь. – Во-о-от... Еще должен быть ремень. Правый обрез ткани закидывается на левое плечо, левый на правое. А у мужчин наоборот...

Этим утром мы радовались, как маленькие девчонки, которых мамы впервые в жизни отпустили в самостоятельное путешествие. Разве что не прыгали и не визжали, держась за руки, а в остальном выглядели очень даже похоже.

- Тебя отпустили? Правда?! Не поверишь, меня тоже!

И теперь, сидя в моей гостиной, когда часы еще не пробили одиннадцать утра, Тайра рисовала «тулу». Ту самую местную арханскую одежду, которую, как только мы купим ткань, придется шить Клэр. Да-да, той самой Клэр, которая ушла в магазин и которая о нашем замысле пока еще совершенно ничего не подозревала.

Уверена, ворчать она будет долго. Почему?

Нет, не потому что она не умеет шить – как раз наоборот – прекрасно умеет. Клэр, в отличие от работников ателье, где сначала будут долго расспрашивать о деталях, а затем так же долго изготавливать изделие, способна скроить любую, даже самую чудную вещь в кратчайшие сроки. Дело тут в другом. Клэр не любит сюрпризы. Совсем. Знаете, есть люди, которые обожают шутки, розыгрыши, внезапные подарки, изменчивые новости, бурлящее течение жизни. Так вот, моя подруга-экономка не из их числа. Для того чтобы любой сюрприз она восприняла спокойно, ей нужно послать уведомление о нем за месяц – мол, он будет хорошим, неопасным, необременительным, недорогим, нехрупким, не проблемным и не требующим того, чтобы с него каждый вторник стирали пыль. И даже в этом случае Клэр поинтересуется, нельзя ли обойтись без него?

Нет, она вовсе не зануда, просто очень любит график предстоящего дня знать наперед – ей так спокойнее. Вот с утра она пойдет в магазин и купит «картошку, морковку и свеклу» (например), вернется в одиннадцать пятнадцать, помоеет для Смешариков ягоды (процесс займет ровно две минуты) и начнет замешивать тесто для пудинга. В двенадцать тридцать позвонит Антонио, и тогда они вместе решат, чем именно будет занят вечер с шести до восьми (это единственное не просчитанное заранее время, так как их планы периодически разнятся), и Антонио всегда звонит ровно в половине двенадцатого, ибо именно так у них принято и обговорено. Примерно ясно, да? Мою Клэр можно предсказать куда лучше погоды с точностью в девяносто девять и девять десятых процента. После обеда она будет читать, потом готовить, после вышивать, затем снова готовить, а потом ровно до половины одиннадцатого она будет смотреть телевизор.

И, конечно же, ей совсем некогда будет шить непонятную «тулу», даже две «тулы».

А придется.

От этой мысли я хихикала.

– Ну так что? Кто из вас пойдет с нами на Архан? Кто тут самый смелый, а-а-а?

Сидящие на ковре тесной кучей Смешарики все, как один, смотрели на меня широко распахнутыми золотистыми глазами.

– Ар-хан? – отрывисто переспросил самый ближний.

– Он самый. И нам нужен доброволец. Если таковой, конечно, найдется.

Фурии зашушукались. Нет, от них не раздалось ни шепота, ни звука, но у меня отчего-то появилось стойкое ощущение, что они ведут неслышный диалог друг с другом. Стоит ли? Если да, то кому идти?

Нет, о чем именно шел диалог, мне уловить не удалось, и по какому принципу шел отбор, тоже осталось неясным, но уже через несколько секунд из плотной кучи выехал один, похожий на остальных пушистик. С серо-коричневой шерстью, блестящими глазами, маленький, шелковистый, круглый и симпатичный.

– Я. Ив, – с достоинством напомнил он собственное имя.

Еще, кстати, с давних пор я так и не смогла понять, «Ив» он или «Иф».

– Так, значит, это ты идешь с нами, Иф?

– Да, – это прозвучало гордо и одновременно умильно, так как в произношении Фурии утвердительный ответ превращался во что-то среднее между «да» и «дя».

– Отлично.

– Они согласились? – взволнованно прошептала Тайра, которая к этому моменту закончила творить свои «художества» и теперь выглядывала из-за моей спины.

– Да, – так же тихо прошептала я в ответ, наблюдая за тем, что происходит между Фуриями. А между ними однозначно что-то происходило. Теперь их «могучая кучка» светилась, и свет этот, плавно собирающийся в облако над пушистиками, вливался в Ива.

– Они делятся с ним силой! Смотри. Они заряжают его перед походом.

– Вот это да!

Процесс накачивания чьей-то персональной батареи мы с Тайрой наблюдали впервые, и длился этот процесс долго, не меньше минуты. Все это время счастливый Ив пыжился от гордости: жадно впитывал подаренную энергию, пушился, чмокал маленьким ртом и загадочно взирал на нас круглыми глазами. Когда все закончилось, он успокоился, незаметным движением пригладил топорщащуюся в разные стороны шкурку и серьезно произнес:

– Готов. Я. Тов.

Он готов.

Вместо того чтобы рассмеяться над его серьезностью, чего нам обеим хотелось, мы с Тайрой в ответ на его официальное заявление чинно и благородно кивнули.

В этот момент внизу хлопнула входная дверь; из магазина вернулась Клэр.

* * *

С рисунком? Без рисунка? С вышивкой, без? С тесьмой, украшенную цветами, в полоску – какую ткань выбрать?

Проводя меня между длинными рядами, увешанными разноцветными рулонами и лоскутами, Тайра терпеливо поясняла:

– Чем беднее женщина, тем бледнее и невзрачнее цвет. Чем богаче, тем ярче. Нашивки, оторочки и вышивку могут себе позволить или очень обеспеченные горожанки, или те, кто принадлежит к какому-либо дому.

– Сладкому дому?

– Необязательно. Сообществу жриц при Правителе – таких мало, и в Рууре я их никогда не видела, только слышала о них. Сообществу Наставниц из пансионатов, сообществу дома Целителей или же... доступные женщины. У них на подоле всегда вышит определенный символ.

Дом проституток?

– Нет, такой нам точно не надо. Ты только его случайно или в шутку не нарисуй на той тулу, которую будет шить Клэр.

– Я же не совсем безмозглая, – поперхнулась смехом Тайра. – Тем более, нам эта тулу понадобится ровно до тех пор, пока мы не купим настоящую, местную.

На нас, бродящих в этот ранний час среди цветастых обрезков, поглядывала стоящая за прилавком продавщица. Ей, уставшей от перебора и сортировки пуговиц, учитывая, что мы были единственными на весь магазин покупательницами, все равно нечем было заняться. Чтобы лишним раз не привлекать внимание, мы спрятались за высокими стеллажами с плотной портьерной тканью.

– Значит, нам нужна простая, грубая, неяркая и однотонная ткань, так?

– Да. Темно-зеленая, темно-синяя. Бордовую я бы не стала брать – она в Рууре редка.

– Коричневая? Серая?

– Ну, это совсем для нищих.

– Угу, – кивнула я с пониманием. – Совсем нищими быть не хочется. А черная?

– Черная только для вдов.

– Может, будем вдовами?

– Типун тебе. Во что оденешься, то и накликаешь.

– Так, поняла. Значит, берем зеленую и синюю.

И мы вынырнули из-за портьер.

* * *

С того момента, как закончился поход в Криалу, прошло две недели, и жизнь вернулась в привычное русло. Проснулись и снова засновали по улицам довольные жители мира Уровней – кто на работу, кто с работы (в магазин, в ресторан, в гости). Им, проспавшим все самое напряженное и тревожное, было невдомек, что эти самые улицы то нещадно жгла солнцем, то топила холодными ливнями непогода. Они не видели, как разбушевавшиеся ветра рвали с деревьев листву, как та валялась вперемешку с мусором и поваленной оградой на тротуарах, не видели, как плавился под действием аномальных полей металл припаркованных на обочинах машин, как трескалось и дыбилось, словно пережженная вулканическая корка, дорожное покрытие.

И хорошо, что не видели, незачем. Иногда лучше спать, нежели паниковать.

Дрейк, после того, как получил на руки вожденную формулу и установил невидимый, но очень прочный, по его словам, щит, стал прежним – немного насмешливым, чуть лукавым, хитрым и по большей части деловым и серьезным. Много работал, следил за порядком, едва успевал раздавать приказы. Преступность по какой-то причине временно стихла (может, продолжительный сон расслабил отдохнувших граждан и настроил на лучшее?), и большую часть времени Начальник посвящал проверкам поврежденных ранее участков; спецотряд расслаблялся.

Один только Стив вернулся к постоянной работе в госпитале, да Эльконто едва успевал разнимать в казармах дуреющих от скуки солдат – тех на «Уровень: Война» вернули сразу, и теперь они докучали своими синяками не столько руководителю штаба, сколько ворчащему на людской характер некоторых индивидов доктору.

Элли, по словам Рена, работала над новыми витражными эскизами – ей любые передраги дарили вдохновение; – Меган с упоением продумывала эскиз финской бани, которую загорелась желанием построить в саду за их с Дэллом домом; «магичи» вернулись на Магию, а мы с Тайрой за школьные парты.

И все бы ничего, жизнь хороша, но, как известно, стоит обстоятельствам чуть успокоиться, как тут же хочется чего-нибудь нового, и этим новым свежим ветром, будоражащим душевные струны, стал предстоящий поход на Архан.

Далекий чужой мир – прекрасный, незнакомый, жаркий, сложный, пахнущий острыми специями и новыми впечатлениями. Что там будет, хорошо ли все пройдет? Да и стоит ли загадывать?

Иногда мне казалось, что я живу не одну, а сразу несколько жизней, что постоянно подгребаю под себя разлапистой пятерней все самое интересное, что пытаюсь глотать двумя горлами, не могу и не умею пропустить мимо то, что заставляет внутренности трепетать от восторга. Жизнь одна, и она когда-нибудь закончится. Да, конечно, после ее окончания будет что-то еще, но ведь никто не знает, что именно, и посему стоит ли тратить подаренные небом дни (пусть даже у вас впереди еще осталось какое-то количество, пусть даже немалое) на однообразие и скуку? Можно просыпаться в хмуром настроении, идти на нелюбимую работу, общаться с тем, с кем не хочется общаться, лениво просиживать часы, подперев щеку ладонью, и думать о том, ну когда же, когда я сделаю что-нибудь для себя? Почему я всегда кому-то что-то должен? И ведь хитрость заключается в том, что на самом деле человек никому никогда и ничего не должен. Только себе – быть счастливым. Да, все так просто. Но ведь рамки в голове сильны, и они постоянно гудят высоковольтным электричеством: «Ты должен позвонить, сходить, сделать, сказать, договориться, позаботиться, купить, успеть, отдать, заплатить, заработать, изучить. Должен следовать своим собственным советам, выстроенным планам, достигать намеченных целей, двигаться вперед...»

Двигаться вперед – это да, но только если движение в радость, а если нет, то смотри пункт один – «человек никому ничего не должен». Только счастливый способен подарить счастье, только согретый изнутри – поделиться теплом, только гармоничный – сделать мир гармоничнее. Так было и так будет.

Стоя в собственном саду и глядя на звездное небо, я думала именно об этом.

Прошло всего два дня, и Клэр закончила шить наши «тулы». Она, конечно, ворчала, причитала и постоянно волновалась, что мы, по ее мнению, собираемся влипнуть в очередную неприятность, но нашу нехитрую просьбу выполнила на ура – Тайра шедевры кройки и шиться оценила на «отлично», и экономка расплавилась от счастья. Ворчать она, правда, не перестала и теперь все время раздумывала о том, как бы снабдить нас чемоданом, в который уместятся мясо, пирожки, хлеб, печенье, куриные куличики и лимонные дольки (в них много калорий – это вам, девочки, как раз!), которые мы непременно должны взять с собой, чтобы не умереть в чужой стране с голода, но мы с Тайрой решительно отнекивались. Даже если все это, рискуя привлечь ненужное внимание, сложить в заплечный мешок и взять с собой, все равно еда на жаре долго не продержится, а холодильников в Рууре, как я поняла, не было и нет.

Так что в нашем плане было много прорех, но это едва ли меня беспокоило. У нас было главное – начало плана, а это, как голова змеи. Если голова змеи уже имеется, значит, где-то есть и хвост, нужно лишь постепенно до него добраться.

Да, мы пока не знали, где и как брать деньги на местную одежду, обувь и еду, не знали, каким образом собираемся добираться из Руура до Оасуса, не знали, кого и что встретим по пути, но мы знали главное – у нас все как-нибудь получится. Может быть, не сразу, может, не без сложностей, но ведь дорогу осилит идущий. У нас две головы, и обе светлые, с нами будет маленький Ив (или Иф?), а моя способность телепортироваться в случае опасности обратно в Мир Уровней успокаивала всех участников похода.

Все получится, да.

Осень – прекрасное время года хотя бы потому, что осенью начинается все самое прекрасное. Да-да, именно так. Не верьте тем, кто говорит, что осенью все увядает, засыпает, сереет и тускнеет; это неверно, и это лишь убеждение тех, кто в него зачем-то продолжает верить. Осень – это когда воздух становится прозрачным, когда из-за листвы вдруг открываются далекие дали и высокие шапки гор; это когда горизонт вдруг начинает манить, а дорога звать куда-то вдаль. Осень – это чувство собранной спокойной решимости сделать что-то новое, прекрасное, еще пока неведомое и загадочное, но уже такое нужное. Осень – это не тоска по чудесам, а обутые на лавке у двери ботинки, это распахнутая на улицу дверь, это впервые одетые на руки перчатки и устремленный вдаль взгляд, затянутый дымкой предвкушения похода за мечтой. Вот такая она – осень. Именно такая.

Трава под ногами похрустывала; выпавшая роса заиндевила на листьях, стоило висящему за окном градуснику пересечь отметку «ноль», но дышалось легко, вкусно, спокойно. Мерцали над головой звезды – такие (или похожие) мерцают в каждом мире и напоминают о том, что этот самый мир бескрайний, бесконечный, неизведанный и манящий. Что горизонтов нет, а есть лишь пределы, которых хочется достичь; чувства, которые хочется испытать; неведомые дали, которые обязательно хочется увидеть.

Скоро сад укроется снегом, скоро скуются ледком лужи, скоро снова станет понятно, что время течет без остановки, и каждую минуту, каждый день видит лишь тот, кто действительно хочет его видеть.

Ночь. Из дверей тянет свежим хлебом и умиротворением. Болтает о чем-то телеведущий, взялась, наконец, за любимую вышивку Клэр, ведь ранее собственный график благодаря нашим заботам ей пришлось сдвинуть. Стынут в сумраке уже голые прутики-ветки, а нос все ненароком ожидает учуять, что в воздухе вот-вот запахнет жженым углем – так бывает холодными вечерами в русских деревнях.

Я вздрогнула, когда мне на колени что-то оперлось, но улыбнулась, когда поняла, что этим «чем-то» оказались две пушистые лапы, принадлежащие белому коту.

– И ты гуляешь по саду? Лежал бы себе на диване у камина, холодно ведь... – Михайло был согласен, что холодно, а потому просился на руки. – Ладно, забирайся, вместе посмотрим на звезды.

Я подняла его с земли, усадила на руки, аккуратно устроила собственный подбородок на мягкой макушке и принялась гладить белую шерсть.

Глава 3

Мы уходили на рассвете.

Упакованная Клэр сумка с продуктами стояла в коридоре, смешарик Ив терпеливо дожидался, пока мы с Тайрой посидим две минуты «на дорожку» в полутемной, залитой дребезжащим светом поднимающейся зари гостиной. Помолчим, подумаем, осознаем, что вновь пересекаем невидимую черту – ее всегда пересекают те, кто принял какое-либо решение, кто через секунду приготовился действовать, кто уже готов – занес стопу над мощеной кирпичом дорожкой, выщербленной ветрами. Тот, кто уходит, никогда не возвращается туда же – он возвращается другим, пахнущим далекими запахами, наполненный новыми впечатлениями, возвращается к себе же, но уже в другое время.

Мы уходили с легким сердцем. Знали: в случае опасности всегда вернемся домой – в любой момент, в любое время, в любой миг. Мы никому ничего не должны, мы просто решились попробовать, вновь испытать себя, подарить ногам еще одну дорогу.

– Значит, в дом Кима?

– Да. Там переоденемся, осмотримся и выдвинемся в город.

План был прост: перенестись в дом старого Учителя, с помощью сшитых Клэр «тул» притвориться местными ровно до того момента, пока не отыщем магазин одежды и не купим настоящие «тулы», чтобы окончательно слиться с толпой, затем порыщем вокруг и выясним, как попасть в далекий Оасус, а как только попадем в него, отправим Ива сканировать библиотеку.

Вот так все просто. Нет, наверное, не так и далеко не просто, но зато интересно.

Вчера Тайра припомнила, что под половицами старого дома в Рууре были спрятаны не только книги – их она забрала с собой, – но и бархатный мешочек с шестью гельмами – местными монетами, некогда принадлежавшими Кимайрану.

– Мы использовали их, чтобы работать с денежной энергией, изучать ее, – рассказала она, обрадовавшись нужному и своевременному воспоминанию. А через секунду пояснила: – Нет, это не очень много, но на одежду и первое время нам хватит.

– А твой Учитель точно не будет против, если мы возьмем его сбережения?

Я уже задавала этот вопрос днем ранее, но вновь задала теперь, уже перед самым выходом, пока еще странницы не покинули знакомую гостиную, пока «равновесие мира не нарушилось». В полумраке сонной комнаты глаза Тайры сверкнули уверенностью.

– Он был бы рад – я знаю, я чувствую. Мы забираем монеты, но не забираем их энергию – она принадлежит Учителю, а на деньги физического мира купим то, что нам сейчас необходимо. Учитель был бы этому рад и дал бы нам свое согласие.

– Ну, если ты так считаешь.

– К тому же вы вернем все, что не потратим. Ведь так?

– Конечно. А если будет возможность, вообще доложим назад всю сумму – пусть так и лежит, хранится под половицами, ведь дом защищен.

– Видишь? Все получается хорошо, правильно.

– Согласна. Ну что, с Богом?

– Да, с Богом.

Стоило Тайре принести из коридора сумку с едой и зажать подмышкой скрученный ком ткани, как ловкий Ив тут же запрыгнул на диван и уселся с нами рядом.

– Боишься, что мы тебя забудем?

– Будем! – радостно и ворчливо подтвердил тот.

– Будем. Я тоже так думаю. Хорошее слово, с которого стоит начинать поход. Ну что, все готовы?

* * *

К неожиданностям стоит относиться терпеливо – все верно, – но некоторые из них все же настолько неожиданны, что не перестаешь удивляться. А ведь с самого начала стоило предположить, что время в Нордейле и в Рууре течет неодинаково и что утро в мире Уровней вовсе не означает то же самое время суток на Архане.

Глупая ошибка, пионерская, а ведь давно – еще со времен прыжка в американский Нью-Йорк и собственного падения в залив[3 - Речь идет о событиях, описанных в первом томе Игры Реальностей] – стоило запомнить о существовании временных зон. Но нет, не запомнила.

На Архан мы втроем прибыли благополучно – и с едой, и со смешариком, и с нашими «тулами», вот только прибыли не на рассвете, как ожидали, а, судя по тому, что я теперь видела из окна дома старого Учителя, с началом ночи – с ее, так сказать, «зарождением». Вид из окна тянул примерно на «два ночи». Может, от силы «на три».

– Приехали.

Пока я мысленно ругала себя за совершенную ошибку – хотя, кто мог знать? – Тайра принесла из чулана две плотные подстилки, два тонких, скатанных в рулон матраса и два тонких одеяла и принялась раскладывать их на полу.

– Не переживай, ну, отдохнем еще немного, а потом пойдем. Ведь не торопимся.

Теоретически она была права – мы не торопились.

Вокруг пахло сухими досками, пылью, разбросанной по углам от грызунов травой, которую теперь с любопытством изучал Ив; свечу решили не зажигать – свет мог привлечь внимание прохожих или соседей, – и Тайра шуршала в темноте.

Я же, являясь бесполезным существом в создании нашей будущей постели ввиду того, что совершенно, в отличие от подруги, не ориентировалась вслепую в незнакомом доме, стояла у окна и разглядывала улицу. Ночь, но достаточно светло; пустынно, но застроено; без пешеходов на улице, но с явным ощущением присутствия. Незнакомый мир, незнакомые запахи и покалывающие в районе затылка от предвкушения чего-то нового мурашки.

В темном небе светила Луна – большая, не круглая и незнакомая. Точнее местный аналог Луны – зависшая над миром Архан персиковая щербатая планета, свет которой заливал единственную доступную моему взору улицу.

– Как она называется?

– Кто?

– Ваша «Луна».

– Ирса. Это светильник богини ночи.

– Ага. Ясно.

Светильник, так светильник, пусть будет местный божеский фонарь – так принято в мифологии многих народов и нашего мира. Битый глиняный горшок, низкое крыльцо, два темных оконных проема, белая неровная стена соседнего дома напротив – все. Вот, значит, какой ты, Руур, в два часа ночи. Тихий, спокойный, из-за обилия песка на дороге чем-то похожий на Шарм-Эль-Шейх, загадочный и притягательный. Я надеялась, что он останется таким и при свете дня, когда наполнится звуками, голосами, движением и проснувшейся с рассветом жизнью.

– Давай поспим, – предложила Тайра, – я постелила. Спать будет немного жестко, но здесь всегда тепло и сухо, так что, хорошо. Выбирай, где тебе нравится – слева или справа?

– Мне все равно, с какой стороны, выбирай первая.

– Ложись тут, – и она, сидя на полу, похлопала ладошкой справа от себя, – сюда не светят лучи Ирсы.

– А это хорошо?

– Ну, они иногда навевают странные сны, поэтому жители предпочитают занавешивать окна, дабы не провоцировать богиню Ночи присоединиться к

твоим странствиям по другим мирам.

- Да, у нас тоже не все любят лунный свет. Говорят даже, что он провоцирует обращение в монстров некоторых существ - шутят, наверное.

Я, конечно же, имела в виду оборотней.

- А, может, и не шутят. Никогда не знаешь, - кивнула Тайра, откинулась на спину и устроила голову на скрученной в виде походного коврика «тулу».

Я присоединилась. Скрипнула половицами, подумала о том, что тонкую майку и легкие хлопковые штаны снимать не буду, сдвинула одеяло в сторону и тоже устроила голову на заботливо свернутой «туле».

- Слушай, а завтра ведь они будут мятые, как из мусорной корзины. Как будем в них ходить?

- Не будут, - послышался шепот. - Я так свернула, чтобы без складок. Если только ночью не раскрутишь случайно.

- Теперь буду спать и бояться, что раскручу.

Слева захихикали; мне под бок подкатилось что-то мягкое и теплое - Ив. Я мягко погладила его шерсть, поерзала лопатками на жестких досках и прислушалась к тихому, доносящемуся из-под деревянных досок шороху.

- А это кто там - мыши?

- Это песчанки. Маленькие такие зверьки, живут под домами. Питаются земляными пауками.

- И много их тут?

- Песчанок?

- Пауков.

- Ну... Много.

Здорово. Я постаралась об этом не думать. Все хорошо: есть крыша над головой, есть стены, есть пол, на котором спать, есть матрас – тонкий, но лучше, чем ничего, – и есть на все случаи жизни фурия.

- Ив, пусть они по нам не ползают, ладно? – по-девчачьи обеспокоенно попросила я смешарика.

- Адно, – тихо ответили мне откуда-то из-под ладони.

И стало спокойно. Чужая жаркая ночь, незнакомые за окном звезды, затылок на свернутом рулоне ткани, предназначенном служить здесь одеждой. Еще совсем недавно над ним корпела Клэр – Клэр из моего мира, из знакомого и теперь вдруг далекого. Нет, не далекого – на расстоянии прыжка. Все будет хорошо. Ведь Дрейк отпустил...

- Ты тоже думаешь про дом? – спросила Тайра. – Уже скучаешь?

- Нет, не скучаю. Просто чувствую эту тонкую грань – здесь и там. Все так зыбко, да?

- Да, – подтвердили едва слышно. – Все всегда зыбко, это и здорово. Главное – уметь быть гибким и чувствовать все, что вокруг тебя.

Что она имела в виду, я поняла лишь отчасти, но от самих слов делалось хорошо, мирно. Значит, я не одна такая, не одна думаю о таких вещах.

- Спокойной ночи, Тай.

- И тебе спокойной, Дина. Пусть сны будут легкими и благостными, пусть принесут хороший отдых и позволят телу отдохнуть. И тебе спокойных снов, Ив.

- Спасибо, – прошептала я в потолок.

- Сибо, – зевнул под пальцами мягкий комочек.

Часом позже.

- Не спится?

- Нет, никак.

Я пыталась. Честно пыталась – считала овец, старалась ни о чем не думать, слушать тишину или же наоборот думать так много, чтобы утомиться, но сон все не шел: ни легкий, ни благостный – никакой. Как спать, когда вот только проспал всю ночь, а потом следом, почти без паузы, навалилась вторая? Я ворочалась, тревожила сладко посапывающего Ива, пыталась размять затекшую спину, вертелась, крутилась и время от времени неслышно вздыхала. Нет, наверное, вздыхала я слышно, потому что проснулась Тайра.

- А мне спалось, хорошо спалось. Даже снилось что-то приятное... – она зевнула, потянулась и перевернулась на бок. Несколько раз моргнула; от света Ирсы поблескивали в темноте белки глаз. – А ты разве не умеешь засыпать в любое время, когда тебе это нужно?

- Нет. А ты умеешь?

- Да, – сонная соседка тут же взбодрилась. – Хочешь, научу?

- Спрашиваешь! Если не научишь, я буду «сосиситься» тут до утра...

- «Сосиситься»?

- Ну, валяться, выгибаться и вздыхать, как вареная сосиска. А потом буду такая же вяленая ходить по улицам.

- Да это же легко, только слушай внимательно и выполняй.

- Буду выполнять все, что скажешь, спать-то надо.

– Сейчас расскажу. Вот способ первый: представь, что эссенция сна – это такая сине-зеленая спокойная, мягкая и тягучая энергия. Ей нужно заполнить тело, но не быстро. Начинать нужно со стоп – представляй, как она наполняет твои ступни, пальчики, сгущается там, растекается по каждой клеточке, как заполняет лодыжки. Потом, когда стопы полностью ей заполнятся, представляй, как эссенция начинает наполнять голени, икры, колени, как твое тело, словно сосуд, напитывается ей – густой, вязкой, мягкой. Постепенно она заполнит и расслабит тебя всю: бедра, живот, грудную клетку. Затем пальчики рук, ладони, сгибы локтей, предплечья. А уже в самом конце голову. Твое тело расслабит, и ты заснешь.

– Хорошо бы.

Я слушала шепот и выполняла все, что Тайра советует. Наполнялась сине-зеленой эссенцией – пыталась делать это медленно, но иногда то застревала в представлениях о том, как энергия держится исключительно в стопах, то вдруг наполнялась ей целиком и неравномерно. А иногда вообще срывалась и начинала думать о том, как непривычно не слышать за окном не только гул проезжающих мимо машин, но даже шелест листвы на деревьях. Ведь на Архане нет деревьев? Или почти нет... Надо бы завтра посмотреть.

– Есть второй способ, – продолжали шептать справа. – Нужно представить, что твой разум – это открытый беспокойный глаз. Просто глаз и веки. Он – разум – постоянно смотрит в разных направлениях, пытается увидеть, впитать, проанализировать – это очень мешает спать. Так вот, возьми золотое светящееся одеяло и накрой им его. Увидь, как одеяло отсекает лишнее – волнение, страхи, беспокойства, мысли – плохие и хорошие – просто не дает им просачиваться сквозь свою плотную мерцающую поверхность. Оно дарит успокоение и знание о том, что все обязательно будет прекрасно, да и не важно, будет ли, так как уже сейчас все хорошо, спокойно, мирно, сейчас хочется спать. Ты увидишь, как у твоего «глаза» начинают слипаться веки, как он закрывается, успокаивается, как перестает тревожиться о чем бы то ни было и хочет лишь одного – спать. Он засыпает, а вместе с ним засыпает и беспокойный ум.

Аналогия с глазом мне понравилась. Лежа в темной комнате, я вообразила свой беспокойный разум-глаз и накрыла его толстым светящимся одеялом. Плотным, мягким, непроницаемым. И действительно – волнения тут же отсекло, задышалось ровнее, мысли тоже погрязли в лени и перестали кружить, осели. Когда ты укрыт одеялом, тебе мирно и спокойно, как в защищенной пещере.

Снаружи может быть что угодно: дождь, ветер, снег, буря, но тебе хорошо, тебя все это не коснется, с тобой все будет в порядке, ты в безопасности. Здорово...

- Если человек чем-то болеет, то он должен засыпать иначе.

- Как?

Не то, чтобы мне требовался третий метод - я уже кемарила, но пропускать такую интересную информацию было бы глупо.

- Он должен стать эмбрионом. Или зародышем. Превратиться в маленького, лежащего в утробе Вселенной ребенка - свернуться в золотом, сотканном из божественного света шаре и чувствовать, как через пуповину в его маленькое и совершенно здоровое, неподверженное болезням тело просачивается любовь Бога. Как она наполняет его, как он нежится в ней, как окружен заботой, как сильно любим. В этот момент в теле человека запускаются процессы регенерации. Потому что пока ты чувствуешь свои маленькие ручки и ножки и знаешь, что ты еще не родился, что того, что происходило с тобой после, еще не было, ты начинаешь выздоравливать, сбрасывать с себя накопленный опыт, очищаться. Время поворачивается назад и полностью исчезает, клетки обновляются.

- И что? - с меня вновь слетел весь начавший, было, подступать сон. - Так можно вылечить любую болезнь?

- Можно. Надо просто наблюдать за своими ручками, ножками, закрытыми глазками, нежной кожей и понимать, что ничего еще не было - ты еще не родился, и твои органы не подвержены болезням, старению и распаду - они совершенно здоровы, новы и прекрасно функционируют. Все, каждый из них.купаются в абсолютном и первородном здоровье.

- Слушай, если бы ты написала об этом книгу, в моем мире она бы очень быстро разошлась и помогла многим людям.

Как ни странно, Тайра со мной не согласилась.

- Не разошлась бы. Ведь это тоже работа, пусть и приятная, а люди не очень любят трудиться. Так, к сожалению, устроено большинство. Даже в тех мирах, где время идет.

- Тут ты права. Но информация все равно ценная, я ее запомню.

- Любое знание ценно само по себе, но практическую пользу оно приносит лишь тому, кто с ним работает.

- Это да.

Наши философские разговоры медленно, но верно вновь начали погружать меня в сон. Так или иначе, а описанные Тайрой методы работали. Может, с моей помощью, а, может, сами по себе.

- Есть еще один метод - довольно простой. С ним очень быстро заснешь.

- Еще один? - промямлила я сонно.

- Да. Просто расфокусируй внутренний взгляд. Раствори его. Ведь твои глаза, даже когда закрыты, где-то сфокусированы, так? В какой-то точке.

Я попробовала мысленно проанализировать то, о чем она говорила.

- Так.

- Так вот сделай так, чтобы фокус исчез. Раствори этот взгляд.

- И все?

- И все. И побудь в этом состоянии минуту-другую.

- Хорошо, я попробую.

Мы на время затихли; комната наполнилась тишиной и нашим мирным дыханием. Через какое-то время сквозь полудрему, в которую я незаметно

соскользнула, пробился шепот.

– Ну как, получается?

– А-а-а?

– Значит, получается, – довольно прошептали слева, и все снова погрузилось в тишину.

На этот раз уже до утра.

Глава 4. Руур

С восходом солнца жизнь в Рууре забурлила.

Забурлили и мы: быстро позавтракали, переоделись, извлекли из-под пола деньги Кима и выдвинулись в город – искать лавку женской одежды, а по совместительству и обувную лавку, так как пока на наших ногах сверкали летние новомодные и совершенно незнакомые местным жителям, скрытые длинными полами «тулу», спортивные кроссовки, Ив превратился в легкий ситцевый шарфик и был повязан вокруг моей шеи, еда осталась в доме – еще вернемся, деньги упрятаны во внутренний карман подола Тайры.

Готовы.

По мере восхождения солнца над горизонтом жара неумолимо нарастала.

Первые десять минут мы двигались по тихим узким и почти безлюдным улицам – кое-где дома стояли на расстоянии нескольких метров друг от друга, в других местах сливались в сплошную одно- и двухэтажную «китайскую» стену с обоймой из крашенных в синий цвет оконных ставней и дверей, – но по мере продвижения город начал напоминать один сплошной, расстелившийся на многие километры во все стороны цветастый арабский рынок.

Запестрили на подоконниках выставленные для продажи полосатые половики и ковры, все чаще попадались взгляду сидящие в окружении медной посуды – сосудов, тарелок, подносов и вытянутых стаканов – седобородые, курящие изогнутые трубки старики. Откуда-то играла музыка, из раскрытых окон галдели дети и их матери, грохотала посуда. Пахло жареной, но незнакомой едой.

– Здесь всюду что-то продают.

Для того чтобы скрыть наши экзотические внешности, мы с Тайрой накинули на лица некое подобие сетчатых вуалей, говорить из-под которых было все равно, что говорить изнутри картофельного мешка. Плотная ткань скрадывала звуки, приходилось повышать голос.

– Да, потому что продажа – основной метод заработка в Рууре. Одни изготавливают, другие торгуют.

Поначалу я очень переживала, что нас «заметят» – поймут, что мы чужие, а потому старалась молчать и сосредотачивалась на том, чтобы не очень волноваться – сердце грохотало, как сумасшедшее – но чем дальше мы уходили от дома старого Учителя, тем скорее забывалось мое волнение – ведь вокруг было столько интересного! Ближе к центру улицы расширились, толпа уплотнялась, и Руур действительно начинал походить на большой базар. Прямо на глазах разворачивались полотняные зонты и навесы, под ними развешивались золотые и серебряные украшения, посуда, курительные принадлежности, раскладывались сушеные фрукты и незнакомые, напоминающие разноцветную шахматную доску молотые специи. Запах от них стоял вязкий, плотный, почти дурманящий. Интересно, все ли в порядке с нюхом у продавцов – после пары-то дней рядом с таким товаром? Поблескивали выставленные под солнце округлые ободы тазов и вытянутые ручки плошек, сохли мокрые (почему-то) шкуры, тут и там возвышались горы наваленных друг на друга подушек – все, как одна, искусно вышитых. Качались под жарким ветром многочисленные кисточки и плотная бахрома штор, сверкали из-под белых тюрбанов жадные и зоркие черные глаза местных зазывал, грели глиняные бока вазоны и горшки, распространяли свой манящий аромат диковинные сладости.

Все пахло, качалось, блестело, сверкало, пестрило, шуршало и даже кудахтало, как в том случае, когда в небольших клетушках продавали похожих на цыплят, но только не желтых, а белых или серых мелких птенцов.

– Это маленькие несухи, – пояснила Тайра, ловко маневрируя в толпе. Она, в отличие от меня, не обращала внимания на стоящие у стен домов телеги, с кемарящими на них продавцами, не спотыкалась о расставленные мешки и не гладела на развешенное и расставленное многочисленное пестрое барахло. – Они дорого стоят, но зато дают много яиц – их выгодно держать тем, у кого есть деньги, кому хватает на корм.

– Смотри, а тут продают обувь! Ведь нам нужна...

Я указала пальцем на соседнюю палатку, и к нам тут же засеменил продавец.

– Никогда не показывай пальцем – потом от них не отделаешься.

– Ой.

Мой палец тут же спрятался в рукаве тулу, вот только поздно.

– Благопочтенные дамы, чего изволите? – наверное, одетый в короткую белую рубаху и просторные штаны мужчина произнес не «дамы», но мой браслет перевел это слово именно так – «дамы». – Сандалии, шлепушки, вышитые туфельки, домашние шуршики? Дешево, со скидкой, поторгуюемся, сойдемся в цене. Заходите, а там договоримся...

«Шуршики»? Незнакомые слова смешили. И заходить в палатку мы не собирались точно, что Тайра неприятным голосом быстро и доходчиво объяснила продавцу. А когда оттащила меня от палатки, сбивчиво пояснила:

– Здесь мы не найдем ничего качественного – такую обувь он сам шьет дома, и она развалится через три дня. Нам нужна хорошая лавка, не такая, как эта.

– Все-все, поняла, больше пальцем ни на кого не показываю.

Едва слышно захихикал мой «шарфик».

– Смешно тебе! – проворчала я и фыркнула.

Поначалу мне действительно казалось, что на нас не обращают внимания, но чем меньше я смотрела на товар, а больше на людей, тем чаще замечала недоуменные взгляды местных женщин и подозрительные мужчин.

- Тай, а почему на нас так смотрят?

- Мы ничего не покупаем, - моя спутница ускорила шаг. - Не торгуемся, у нас в руках нет корзин, а наша одежда слишком длинная. На ней нет вышивки и знаков, поэтому мужчины присматриваются к нам для того, чтобы понять, нельзя ли нас... позаимствовать.

- Что?!

- Они пока не понимают, являемся ли мы чьими-то женами или нет. Смотрят на наши пальцы, украшения, не видят принадлежности к Домам и не знают, как им с нами себя вести. А если бы знали, давно бы уже тащили по своим палаткам.

- Вот пакостники, - прошептала я и, чтобы поспевать за Тайрой, почти перешла на бег. - А далеко еще идти?

- Нет, всего восемь улиц.

Восемь? Всего?

Второе слово удивило меня куда сильнее.

Начиная с этого момента, я старалась не смотреть по сторонам, но так или иначе не могла не замечать некоторых местных особенностей. Как то: женщины действительно одевались в тулу разных цветов и фасонов, но никогда в белое. Белый цвет был основным для одежды мужчин - коротких или длинных рубах, головных уборов и широких штанов. В сочетании со смолянисто-черными волосами, усами и бородами, они являли собой резкий и довольно красивый, если бы не неприятные (по большей части) лица, контраст. Детей на улицах я почти не увидела - только изредка и самых маленьких - подростки же полностью отсутствовали - наверное, обучались в неких закрытых заведениях или же сидели по домам. Шустро сновали туда-сюда служанки, разнорабочие и

подмастерья, лениво прогуливались, выбирая дорогой товар, обеспеченные жены, курили, играли в кости и прохлаждались у стен домов мужчины.

– Вот лентяи. Женщины работают, а эти сидят и ничего не делают, – бухтела я себе под нос. – Что за неравенство? Не стирают, не варят, не метут улицы, не работают...

– Некоторые работают, а некоторые держат лавки, где на них работают другие.

Дорога под ногами была покрыта песком. Кое-где, там, где дома стояли старые и обветшалые, песчаный покров уплотнялся, мягко пружинил под подошвами, в других он был заботливо сметен в сторону, и тогда у стен образовывались рукотворные барханы.

– Рядом пустыня, – пояснила Тайра, уловив ход моих мыслей. – Песок – основная беда города. Ни плодородной почвы, ни чистоты, ни влаги. Постоянная грязь в домах, борьба с пылью.

– Мда. А почему женщины не носят белую одежду? Я что-то не заметила ни одной в белом.

Моя спутница усмехнулась.

– Белый – это цвет Бога и его детей, а таковыми здесь считаются исключительно мужчины.

– Да? – мне хотелось ответить жестче и резче, но я промолчала. Не мой мир, не мои правила. Хотя прокомментировать хотелось. – Почти все провожают нас взглядами. Неужели понимают, что мы не местные?

– Конечно, понимают. Ведь здесь в домах нет телевизоров и радио, и поэтому главная забава в Рууре – это общение и сплетни. Здесь все знают всех или почти всех, а новички – повод для новых разговоров, способ рассказать кому-нибудь такие редкие в этих местах новости.

– А кто привлекает меньше всего внимания? Есть такое сословие?

Тайра задумалась. Мы как раз свернули под сводчатую арку и нырнули на безлюдную, но тесную, почти сплошь заметенную песком улицу.

– Есть. Торговцы и торговки. Они могут выглядеть иначе, одеваться по-другому и ходить по любым местам, предлагая товар. На них почти никто не обращает внимания.

– Хм.

Настал мой черед задуматься. Быть может... Если... Надо бы прокрутить в голове детали...

– Пришли. Ой, как хорошо, что лавка работает, а то я уже боялась, вдруг закрылась? – Одетая в темно-зеленую тулу, Тайра остановилась перед очередной синей дверью, взглянула на окно, рядом с которым был прилажен небольшой покрытый письменами камень и положила пальцы на латунную ручку. – Там внутри прохладнее, как раз передохнем. Идем?

Я шагнула вслед за подругой, все еще терзаемая размышлениями касательно пришедшего мне на ум минуту назад плана.

* * *

– Тай, мы берем тулы торговок!

– Но у нас ведь нет товара? Что мы будем продавать?

Мы шептались почти так же, как совсем недавно в «Тканях Нордейла», только теперь вокруг нас висели не разноцветные отрезы и плотные портьеры, а многочисленные тулы на любой вкус – бежевые, золотистые, фиолетовые и даже розовые. Темных, однако, было больше и стоили они куда дешевле ярких. Свет в лавку лился из единственного невысокого окна, а одинокий продавец в дальнем конце помещения, похоже, вообще спал.

– Если мы хотим ходить везде и не привлекать внимания, мы должны стать торговками!

- Дина, а что продавать-то?

- У меня на этот счет есть мысли. Вот скажи, товары каждый в Рууре делает сам?

- Ну-у-у... сам. Или же их привозят из далеких мест.

Мозг в моей голове работал с такой скоростью, что вместо мыслей мне слышался рев восьмицилиндрового двигателя.

- Прекрасно!

- Что прекрасно?

- Значит, существуют далекие места, о которых не каждый слышал и знает, так?

- Да.

- А карты у вас есть? Ну, все ли жители знают, откуда и что возможно привезти?

- Нет, что ты! Карты есть только у Правителя и приближенных служителей. И еще у погонщиков одnogорбов, которые ходят по известным им одним маршрутам.

- Так это и замечательно! Если мы появимся в Рууре с диковинным товаром, никто не будет проверять, откуда именно он прибыл. Ведь акцизных марок тоже нет? И налогов на ввозимый товар?

- Чего?

- Да ничего, это мелочи. Видишь, все складывается, как можно лучше, - я наконец-то откинула с лица противную вуаль, втянула вместе с глубоким вдохом кучу пыли и чихнула. Настороженно огляделась и прислушалась - продавец не проснулся; его размеренный храп продолжал доноситься из угла. - Короче, сейчас мы купим две тулы торговых, только не для молодых женщин, а для старых и толстых - здесь ведь вещи делятся по размерам?

- Делятся. Есть и для совсем... объемных женщин.

- Отлично! Возьмем две для толстых бабок.

- Почему для бабок?

- Потому что так мы перестанем привлекать излишнее внимание мужчин – наши тулы слишком тесно нас облегли.

- Согласна. «Бабками» мы станем вовсе незаметными. Но ты мне так и не объяснила, чем именно мы собираемся торговать?

- Пока мы ходили по местным базарам, я кое-что заприметила, объясню по ходу. А пока давай выберем новую одежду.

Сползший с моей шеи «шарфик» уже перестал быть шарфиком и теперь красовался на ближайшей вешалке в виде ярко-зеленой, расшитой дольками апельсинов «тулу».

- Ив! – прошипела я грозно. – Ну-ка, прекрати! А то тебя кто-нибудь купит и долго будет думать, что это за диковинные фрукты такие нарисованы на подоле!

Смешарик обиженно фыркнул, сполз с вешалки и превратился в себя самого – пушистый комок с золотыми глазами. Огляделся по сторонам, радостно, совсем как я недавно, чихнул и покатился под развешенными по лавке вещами исследовать незнакомое место.

* * *

Спустя какие-то три часа мы вновь сидели в доме Кима – я крайне довольная собой, а Тайра в откровенном замешательстве; смешарик чавкал прихваченными из Нордейла свежими ягодами. К этому моменту мы многое успели: купили две новехонькие объемные и оттого еще больше напоминающие картофельные мешки «торговые» тулы с вышитыми на рукавах и подоле отличительными знаками, купили мягкие кожаные сандалии взамен кроссовок – я поначалу опасалась, что они окажутся неудобными и будут натирать лодыжки, но уже

спустя десять минут к собственной радости убедилась, что ошиблась. Приобрели мы так же и две плетеные корзины, с какими здесь сновал по улице каждый второй торговец – большие и совершенно обычные, одну из которых попытался облюбовать, за что и был выдворен прочь Ив.

А уже после покупки корзин мы смотались в Нордейл и отыскиали то, что теперь эти две корзины заполняло.

В первой лежали инкрустированные кристаллами маленькие зеркальца – гладкие, красивые и сияющие игрушки – мечта любой девушки, а вторую доверху наполняли мелкие стеклянные пробники мужских парфюмов.

– Вот увидишь, – вещала я с задором Санта-Клауса, который в собственный мешок вместо плюшевых игрушек только что наложил айпадов, – девушки будут в восторге! Ты ведь сама говорила, что у вас нет чистых, хорошо отражающих зеркал, так? Только мутные сероватые поверхности начищенных чайников – ну что это такое? Прошлый век! А эти – посмотри на них – с камнями, красивые и блестящие – ваши дамы раскупят их в две секунды.

– С зеркальцами-то прекрасная идея, я согласна, – Тайра указала рукой на вторую, – но как быть с этим?

– Да как! – мой задор ни на секунду не прервался. – Ты ведь сама говорила, что в вашем мире пахучими настойками и эфирными маслами пользуются только девушки?

– В Сладких Домах.

– Правильно, чтобы привлечь внимание мужчин.

– Да, но просто так на улице ни одна девушка не будет пытаться привлечь мужское внимание.

– Вот именно поэтому мы купили парфюмы для мужчин. Они-то пытаются привлечь женское внимание! Я сама видела.

Моя логика базировалась на простой вещи – объясненной мне ранее Тайрой психологии арханских мужчин. Здесь, оказывается, мужей дочерям не подбирали ни родители, ни наставницы, и дамы оставались вольны выбирать спутника жизни по своему усмотрению. Конечно же, «в ход» первыми шли богатые владельцы магазинов, лавок или мастерских – с ними растить и воспитывать детей было легче. Но чем беднее жил мужчина, тем меньше шансов у него оставалось на то, что красивая барышня обратит на него внимание, ведь помимо небольших накопленных средств, иных достоинств у таких спутников жизни не находилось. И оттого парфюм (по моей логике) мог заинтересовать потенциальных покупателей мужского пола, так как личной жизни (стабильной или разовой) хотелось каждому обладателю бороды, в этом я была абсолютно уверена. А если так, то наш товар мог стать очень выгодным, а его наличие в корзинах позволило бы нам не только нажать собственные сбережения (чтобы не использовать Кимовы), но и обеспечить свободное перемещение по любым закоулкам Руура. Без лишних проблем и без подозрительных взглядов.

Именно это я и пояснила Тайре.

– Ведь тебе нравится, когда Стив приятно пахнет?

– Нравится. Но я его люблю и тогда, когда он не пахнет мужскими духами.

– Верно. Но эти мужчины будут думать, что они нашли панацею для привлечения дам пусть не к сердцу, но к собственному телу. А это выгодно и нам, и им.

– А что если они на самом деле начнут привлекать женщин к телам?

Тайра выпучила глаза и перестала жевать пирожок, который держала в руке.

– Да перестань! Чтобы по-настоящему привлечь женщину, одного запаха мало. Надо бы ведь еще и помыться перед нанесением этого запаха, а с водой у вас, как я понимаю, плохо.

Подруга хихикнула.

– То есть ты уверена, что твоя идея не обеспечит Рууру прирост населения через девять месяцев раза, эдак, в полтора?

– Уверена.

И я с любовью посмотрела на горку из маленьких пузатых флаконов с витыми крышечками. Как хорошо, что я их когда-то заприметила – стилизованные под винтажную моду, – и хорошо, что запомнила, где именно они продавались. Конечно, было нелегко убедить продавщицу в том, что нам нужны не полноценные флаконы, а именно пробники (все пробники!), но предложенная сумма оказалась слишком сладкой, чтобы нашу просьбу не удовлетворить.

Вот и славно.

Все, теперь нас ждет успех! Однозначно.

* * *

(Nicolae Guta & Sorina – Nunta) (слушать обязательно – просьба автора)

Люди не совершают многие вещи из-за страха. Не позволяют себе веселиться, проказничать, свободно воспринимать правила, с иронией относиться к этикету, громко смеяться, звонить кому-то не вовремя, просить, принимать помощь, выпускать на свободу эмоции, думать с размахом, быть самим собой. А почему? Потому что боятся. Люди боятся всего: что их не поймут, осудят, обвинят, засмеют, отругают, перестанут любить, начнут зубоскалить за спиной, перестанут приглашать в гости, общаться. Люди боятся даже тогда, тогда боятся, по сути, некого и нечего – просто потому, что так привыкли, просто потому что забыли, что так неправильно, а правильно как-то иначе.

Мы с Тайрой решили ни о чем важном не забывать.

Ну и что, что рискнем? Понравится местным жителям товар? Хорошо. Не понравится? Выбросим и сменим на другой – что мы теряем?

В густой и плотный людской поток самой запруженной улицы Руура, рассекая толпу нашими новыми габаритами и объемными корзинами, мы вплыли именно с таким веселым и решительным настроением.

Ив теперь висел на моем поясе в виде кошелька и был предупрежден о том, что, ежели кто-то попробует сунуть внутрь шаловливый палец, кусать нужно незамедлительно и без предупреждения. Незаметно, конечно. И не меня или Тайру. Кожаные сандалии хорошо продувались, ноги не потели, а свободные тулу окончательно превратили нас в объемных и переваливающихся под весом груженных корзин бабок – то, что нужно.

Если бы кто-то мне сказал, что Тайра умеет надтреснуто, но громко, задорно и призывно вещать, как старая заправская карга, я бы умерла со смеху. Теперь же я была вынуждена ей соответствовать, и, как только закончилась фраза: «Зеркальца! Чистые, блестящие, красивые, привезенные из далеких земель – диковинные и прекрасные!» тут же начинала вторить:

– Чудо-пахучая вода для мужчин! Одна капелька, и женщины облепят тебя, как мухи...

Меня в бок тут же пихнули.

– Тут пустынные мухи только трупы облепляют, чтобы обглодать до костей.

– Ой!

Хохотал так сильно, что трясся мой пояс, вредный смешарик Ив.

– Цыц! – я тут же попыталась исправиться. Прочистила горло и запричитала, как свободная от работы, а потому крайне радостная плакальщица-причитальщица. – Чудо-пахучая, заморская.

– Дин, здесь нет морей, – тут же поправили меня вполголоса.

Я едва не сматерилась.

– Блин... Чудо-пахучая мужская вода! Одна капелька, и самые красивые дамы твои! – интересно, как браслет перевел для арханцев мое слово «дамы»? Я от всей души понадеялась, что верно, а не превратно. – Привезена из далекого Дуза (есть тут такой? Да плевать!), из-за дальнего конца пустыни, ввек такой в Рууре не сыскать. Ароматы разные, все чудесные, мужчины помажутся...

«Женщины не отмажутся», – хотела закончить я, но вовремя сдержалась.

– ...женщины оценят! Налетай на чудо-воду! Фляжечки красивые, фляжечек мало!

«Зеркальца диковинные и чистые», «Чудо-вода пахучая!» – стоило этим фразам прозвучать несколько раз, как покупатели зажали нас океанским приливом со всех сторон.

– Из Дуза? Это где такой? Далеко?

– За двадцать солнцезакатов не добраться, – отвечала я с видом знатока и крайне сварливо. Мол, чего глупые вопросы задаешь? Дуз – это там, куда даже твое воображение не доберется.

– Что за вода? Хочу понюхать!

– И мне дайте, и мне! А точно работает? Сколько капель нужно нанести?

– Почему? Эй, почтенная, сколько за товар?

– Хочу три! Дайте, плевать на цену!

Оказывается, искусство торговли выглядит легко лишь на словах, на деле же приходится отвечать сразу на тридцать три вопроса, следить, чтобы в корзину не лезло слишком много рук, чтобы флакончики, если не были проданы, возвращались назад, чтобы кто-нибудь ненароком не решил плеснуть чудо-воду себе на шею, не заплатив, а еще за тем, чтобы тебя попросту не задавили любопытные покупатели. И если меня окружили сплошь бородатые, пузатые и мясистые представители города Руур, то на Тайру, словно падкие на блестящее сороки, атаковали хрупкие, закутанные в разноцветные «тулу» «рурчанки», щебет которых заглушал даже зычные баритона.

– Сколько за зеркальце?

– А можно больше одного купить?

– Ой, как переливается! Я возьму вот это, с розовыми камнями. И еще с желтыми...

– Это я хотела купить!

– И я... Мне продайте – я раньше подошла!

Я искренне боялась того, что покупательницы со стороны Тайры передерутся, но волнение это занимало лишь одну двадцатую мощности моего многозадачного разума – остальные ресурсы были направлены на то, чтобы отвечать на ворох сыпавшихся вопросов.

– Так сколько за пузырек?

– Один глит![4 - Глит равен половине гельма – здесь и далее примечание автора] – орала я так громко, чтобы слышали сразу все.

– Так дорого?!

– Дорого? А какая женщина посмотрит на оборвыша? Хочешь женского внимания – купи пузырек, используй шанс, пока товар в наличии. Было бы желание, а деньги найдутся!

(В жизни не думала, что я такая ушлая и прожженная торгашка. Может, мне по возвращению в Россию на базар? Прижилась бы, поди, там)

– Запахи и правда разные.

– Конечно, разные! Под синей крышечкой с мускатным орехом, под красной с листьями сирени, под зеленой океанский бриз...

– Это что еще такое?

– Это многолетнее растение из Дуза, – не моргнув глазом, соврала я. Хорошо хоть очередной тычок в бок не получила, – обдувается исключительно холодным ветром с границы, а потому несет с собой свежесть.

– А когда ваши погонщики снова идут в Дуз?

– Не знаю, они разве скажут? У них все – тайна.

– Мне три – разных цветов.

– А мне вот этот – синий!

– Почтенная, выдай-ка зеленый...

– А что вы все тут собрались? И мне дайте посмотреть! – донесся новый голос из-за мужских спин.

От протянутых рук с зажатыми в них монетами рябило в глазах, флаконы расхватывали, как горячие пирожки, мужики напирали, плотность толпы не спадала – наоборот, увеличивалась. Кто бы думал, а? Ведь полгельма в Рууре – это действительно много – почти грабительская, если честно, цена. И я рискнула ее поставить исключительно затем, чтобы привлечь к экзотическим пробникам еще больше внимания. Надо сказать, что затея моя не просто удалась, а удалась катастрофически хорошо. Кто-то передавал флаконы по рукам и показывал другу – спрашивал совета, делился мнением, – кто-то платил за пузырьки, не нюхая «чудо-воду», кто-то задумчиво чесал волосатое пузо, жадничая, кто-то гонял по пустому кошельку мелкие монеты. Последних мне было жалко. Ну, почти.

В конце концов, чтобы привлечь женское внимание, нужны действительно не пробники, а правильные человеческие качества: манера правильно себя вести и разговаривать, нежность, умение слушать, понимать, защищать, уважать, воспринимать свою вторую половину не как служанку или рабыню, а как тонкочувствующего человека из плоти и крови. Но вокруг, в основном, стояли не ценители трепетных качеств нежной девичьей души, а любители пошуршать и покувыркаться на простынях, а посему жалость моя была, скорее, привычной (никогда не любила видеть в чужих руках пустой кошелек), нежели искренней.

Кстати, мой собственный «кошелек» с момента начала торговли укусил, видимо, не один шаловливый палец, так как с периодичностью раза в минуту из толпы со скоростью ракеты, слюнявя во рту поврежденную конечность, вылетал то один, то другой сопливый юнец. А то даже и грузный, благопристойный на вид

«сеньор». Вот где стыдоба! Глядя на воров-неудачников, я лишь кряхтела и посмеивалась: не на тех напали – Бернарда и ее верная фурия – та еще сплоченная команда!

Пока Тайра бойко распродавала зеркальца, ссылая выручку Иву, я продолжала свою многозадачную миссию по быстрому сочинению правдоподобных и убедительных ответов на бесконечные, похоже, вопросы:

– Куда мазать-то?

– На шею, волосы. Чего хочешь, чтобы целовали, на то и мажь!

– Что, и туда? А не разъест?

– Нет, но вшей точно вытравит, – на мои шутки-прибаутки никто не обращал внимания, так как про вшей здесь либо не слышали, либо это слово переводилось браслетом как-то иначе, а Тайре было не до меня.

– Сразу весь?

– Зачем же весь? По капельке. Запах стойкий, трое суток точно продержится.

– Да трое суток даже прарха не держится!

(Прарха? Что это?)

– Прарха не держится, а у тебя точно продержится!

Меня несло не туда; как сумасшедший хохотал на поясе смешарик – звонко трясся на поясе кошель с монетами.

– И прямо целовать будут?

– Да облабыжут всего!

– Вот диковина из Дуза. И что, там все этим пользуются?

- От стара до млада!

- А младу-то зачем?

- Чтобы с пеленок знал, как женщин привлекать.

- Вот кайманы! (это местные «шайтаны»?) Живут ведь в Дузе, что б я там в следующей жизни родился!

Подходили и поодиночке, и с друзьями, и даже с женами. Когда последние подносили к носу пузырек и придирчиво вдыхали незнакомый аромат, я замирала от волнения (вдруг не понравится? Женщины ведь тестируют), но у каждой жены-бета-тестера после паузы в несколько секунд расплывалась на лице довольная улыбка, и возникал тот самый «дорогой-мне-нравится» игривый взгляд, и тогда замершая, было, торговля возобновлялась с новой силой. Брали по одному, два, три, а иногда и пять сразу флаконов.

На задорные взгляды Тайры я подмигивала - видишь, подружка, все удалось! Не разбирают даже - хватают! А все потому, что не ерундой торгуем, а последние новомодные ароматы продаем: «Потардо», «АуриМели», «АзарроСпорт», «DarkXS» и «Богуми'ДоПарфюме».

Как вы думаете, как быстро опустели наши корзины?

Гораздо быстрее, чем предвещали даже самые смелые прогнозы - мы не продвинулись вдоль по улице и квартала, когда на дне моей плетеной сумы осталось всего шесть пузырьков, а зеркал у Тайры убавилось настолько, что за оставшиеся на дне две самые богатые и чванливые девицы, похоже, на полном серьезе собирались подраться.

- Ты там разберись с ними побыстрее, ладно? - шепнула я на ухо соседке. - А то попить бы чего-нибудь. И поесть. Передохнуть, в общем.

- Поняла, - раздалось слева. А следом послышалось то, отчего я уважительно крякнула. - Последние зеркальца! Кто больше даст, тот и получит. Последние десять штук, только для отменных красавиц! Только для знатных и не жалеющих монет на себя любимых!

Ого! А я еще думала, что это мне место на рынке. Нет, однако! Выкупили бы палатку с Тайрой напололам, соорудили бы компанию «Тайра-Ив-&С°» и зажили бы припеваючи.

Вот точно зажили бы – переставший звенеть, так как от обилия металла раздулся окончательно, кусачий Ив не даст соврать.

* * *

Мы могли быть где угодно.

Я могла бы беседовать с Клэр, читать заданный Дрейком материал, вести с ним бесконечные философские беседы или же ходить по магазинам. Прибираться в доме, сооружать новую прическу, заниматься важными делами или полным же бездельем, ходить по гостям.

Что до Тайры, то она могла бы сидеть в собственной маленькой и уютной гостиной, читать умные книги, размышлять о жизни или же придумывать дизайн для оранжереи, которую мечтала возвести в саду. Просматривать эскизы, пить кофе, готовить плюшки, учить Стива работе с энергией или заниматься с ним же любовью. Да мало ли, чем могла бы сейчас заниматься Тайра?

Но вместо этого мы были здесь, с ней вместе, на Архане.

И были абсолютно счастливы.

И не потому, что мы только завершили важную и непривычную нам миссию по продаже чужеземных товаров, не потому что набрали полный кошелек местной валюты и даже не потому что получили, наконец, минуту отдыха и покоя, хотя этому мы радовались тоже. На самом деле мы были счастливы от того, что мы были там, где хотели, шли, куда хотели и делали то, что хотели. Мы были свободны. Не в этом ли заключается истинное человеческое счастье – быть свободным? Не гнуться под гнетом вечных опасений, не искать решения для несуществующих проблем, не маяться от надуманных тревог, не быть вынужденными, должными, постоянно занятыми делами, не приносящими ни удовольствия, ни удовлетворения, заставляющими нас забывать о том, кто мы и

для чего родились.

Мы были здесь и сейчас. В Рууре.

Точнее, в местной забегаловке под названием «ЛуухмаТрам», что едва ли переводилось на знакомый мне язык, где в комнатке пять на пять метров ютились шесть столов и в два раза больше стульев, где за стойкой правила затянута в черную туру полная и не улыбочивая женщина – видимо, вдова – и где густо пахло луковой похлебкой, тарелки с которой теперь стояли перед нами. Гремели на кухне объемные кастрюли, изредка мелькали в низком дверном проеме силуэты вспотевших от жары поваров, с улицы доносилось брэнчание унылого струнного инструмента, который решил помучить на крыльце «Луухмы» не менее унылый, судя по всему, бродячий музыкант.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Речь идет о событиях, описанных в эпилоге книги «Мистерия»

2

Передающаяся из поколения в поколение длинная арханская колыбельная

3

Речь идет о событиях, описанных в первом томе Игры Реальностей

4

Глит равен половине гельма – здесь и далее примечание автора

Купить: <https://tellnovel.com/ru/veronika-melan/istoriya-bernardy-i-tayry-na-arhane>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)